

УДК 94 (47) 063
ББК 63.3 (2–2М)

В.С. Дельвиг

ОТ ЦАРСКОЙ ВОТЧИНЫ К ПАРАДНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ РОССИЙСКИХ МОНАРХОВ (ЛЕФОРТОВСКИЙ ДВОРЕЦ В МОСКВЕ, 1696–1699 гг.)

Рассматривается вопрос о строительстве Лефортовского дворца в Немецкой слободе, ставшего центром притяжения политических и культурных сил страны в Москве на протяжении долгого времени. Его строительство олицетворяло наступление нового времени – начало радикальных Петровских реформ. Цель исследования – показать, как проходило в конце XVII в. формирование резиденции российского монарха на основе сочетания национальных традиций и усиливающегося с каждым годом западноевропейского компонента, как в области архитектуры, садово-паркового искусства, так и в области функциональности резиденций. Основной вывод: появление новой государевой резиденции в Немецкой слободе знаменует переход к прозападной политике правящих кругов России.

Ключевые слова:

Лефортовский дворец, Немецкая слобода, Петр I, Ф.Я. Лефорт, царские резиденции.

Дельвиг В.С. От царской вотчины к парадно-представительской резиденции российских монархов (Лефортовский дворец в Москве, 1696–1699 гг.) // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 1. – С. 16–21.

© Дельвиг Владимир Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом, ГБУК «Музейное объединение. Музей Москвы», Москва; e-mail: delwig61@gmail.com

В дореволюционной отечественной исторической литературе вопрос строительства и первоначального развития Лефортовского дворца в Немецкой слободе базировался, главным образом, на данных разных устных источников, содержащих часто неточные выводы [8, с. 573–574; 13, с. 99–101].

В советский период времени научные исследования характеризовались в значительной мере идеологической ориентацией на «генеральную линию партии», «текущий политический момент» (в том числе на борьбу с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом»), а также большой зависимостью от внешней обстановки в стране. Это отразилось на преобладании в исследованиях искусствоведческой тематики, ее направленности на вопросы строительства, планировки и архитектуры дворцов в Немецкой слободе и Лефортове, а также их парковых зон. При этом давалась критическая оценка

влияния западноевропейцев на русское общество [1, с. 220–232; 2].

В постсоветский период исследования по изучаемой проблеме отражаются в научных работах историко-культурной направленности, где делается вывод о роли и значении Москвы в обновлении градостроительства на путях европеизации и в подготовке перелома, наблюдаемого впоследствии в Санкт-Петербурге. Отводя в этих исследованиях значительное место Немецкой слободе, вопросу строительства Лефортовского дворца в них отводится недостаточное место. При этом основные документальные материалы берутся в них из предшествующих работ [7; 22].

До начала 70-х годов XVII в. русские цари не рассматривали свои загородные вотчины как парадные резиденции. Их центром был государев двор, включавший жилые деревянные хоромы и ряд сопутствующих хозяйственных построек. Территория вотчины окружалась высо-

ким глухим деревянным забором. Вся ее композиция носила замкнутый характер и выражала независимость от окружающей местности. Особую часть составляли огороды, плодовые сады и рыбные угодья, располагавшиеся, как правило, за пределами забора. Примеры подобного типа усадеб многочисленны, в том числе государевы дворы в Люберцах и Ново-Преображенском [6, с. 10].

Усиление контактов со странами Западной Европы с 70-х годов XVII в. – приемы посольств, светские праздники и весь церемониал того времени – способствовали поиску нового типа царских резиденций. Функции парадных дворцов стали выполнять ряд крупных подмосковных государевых дворов – Измайлова, Коломенского. Их отличительной чертой было обличение традиционной схемы расположения строений и их внешнего вида в формы парадной архитектуры, возрастание роли царских хором, увеличение их размеров и обогащение декоративной отделкой. Предпосылкой дворцового ансамбля нового времени стали и сады. В них прослеживается европейское влияние. Голландские специалисты создавали аптекарские огороды и сады в Покровском и Измайлово [20, с. 7]. Однако в проектировании царских резиденций иностранные мастера участия не принимали. В основе проектов находился царский замысел, сформированный не без влияния «ближних людей». Так, боярин Артамон Сергеевич Матвеев принимал участие в строительстве резиденций в Коломенском, Измайлово и Преображенском [20, с. 8]. Его сын – Андрей Матвеев, ознакомившись с французской резиденцией Фонтенбло, отмечал: «Сие село Фонтенбло и его место зело подобно есть селу Измайлову его царского величества, что близ Москвы, кроме гор каменных» [15, с. 61]. Новые черты состояли и в художественной организации садов и огородов, в их использовании не только в утилитарных, но и в эстетических целях. Современники находили сходство измайловских садов с итальянскими [17, с. 174]. Таким образом, формирование царских резиденций в XVII в. проходило в рамках отечественных культурных традиций, но под влиянием все более усиливающегося западноевропейского компонента.

Во второй половине XVII в. сходные черты в функциональности российских и западноевропейских резиденций прослеживаются как в организации дворцовых церемоний, так и в их идейном содержании. Использование царских резиденций в дип-

ломатических церемониях свидетельствует, что их применяли для репрезентации «чести государева двора» (основное понятие придворного и дипломатического церемониала). Данное понятие введено было Соборным уложением 1649 г. [11, с. 3–6], что привело к изменению пространственной организации крупных дворцово-парковых ансамблей. На территории государева двора находились только хоромы, домовый храм, боярские и приказные избышки. Двор окружала ограда с воротами и караульнями. Хозяйственная часть выводилась за пределы государева двора или на его периферию. Рядом с государевым двором часто разбивались сады. Репрезентация «славы» и «чести» государя и государства воплощалась в масштабности, архитектурном оформлении усадебного ансамбля, использовании технических новшеств и опыта иностранных специалистов в организации дворцового пространства, в том числе в организации садов и цветников.

Дворцово-парковые ансамбли в России, будучи местом частого пребывания монархов, были воплощением регламентированного устройства государства. В «Уряднике сокольничего пути» царь Алексей Михайлович приходит к мысли, что «уряженная» (регламентированная) и правильно организованная «вещь» вызывает «красоту и удивление» [21, с. 286]. Понятие «красоты» в «Уряднике» связывалось с необходимостью «удивления» – эффекта, поражающего воображение присутствующих и прославляющего монарха. Весь ансамбль царской резиденции служил именно этой цели.

С 80-х годов и вплоть до конца 90-х годов XVII в. строительство царских резиденций прекращается. Причина заключается в отсутствии практической надобности в новых дворцовых строениях в беспокойное время, наставшее после смерти Федора Алексеича, во время регентства царевны Софьи над двумя несовершеннолетними царями (Иоанном V и Петром I), а затем в установлении двоевластия в стране.

Появление новой государевой резиденции в конце XVII в. знаменует переход к активной прозападной политике правящих кругов страны. Лефортовский дворец, неофициальная резиденция Петра I, не случайно строится в Немецкой слободе – в районе, открыто противостоящем старой боярской Москве. Западноевропейский характер слободы и стремление придерживаться новых веяний отразилось в облике и внутренней жизни этого дворца.

Можно отметить несколько обстоятельств, определивших интерес монарха

к этому уголку тогдашнего Подмосковья. Мать царя Наталья Кирилловна Нарышкина была воспитанницей «западника» боярина А.С. Матвеева, женатого на шотландке Евдокии Григорьевне Гамильтон, свободной от предрассудков русских боярынь. Детство и юность монарха прошли в путевом царском дворце в селе Преображенском, граничившем с юга с Немецкой слободой. Пылкого и любознательного царя она привлекла своей необычностью и возможностью веселого проведения досуга.

Включившись в сферу внимания царского двора, Немецкая слобода и прилегающие населенные пункты – царские села Преображенское и Семеновское – становятся к концу XVII в. резиденцией молодого монарха. Именно в Немецкой слободе проходят торжественные приемы послов и придворные торжества.

Деля царский престол со своим сводным старшим братом Иоанном V, имевшим влиятельный двор, с которым приходилось считаться, Петр I не мог официально строить дворец в слободе – это вызвало бы негативную реакцию в ортодоксальном русском обществе. Поэтому он задумал его строительство для своего фаворита. В письме Ф.Я. Лефорту, отправленного старшему брату Амадею в Женеву от 26 сентября 1692 г., читаем: «Если Богу будет угодно, то я приступлю будущим летом к постройке прекрасного каменного дома, для чего их царские величества жалуют мне все необходимое» [20, с. 104]. Но при жизни Иоанна V этому плану не суждено было состояться. Была построена только «большая зала» для проведения торжественных мероприятий на правом берегу Яузы [20, с. 119]. Месторасположение данной «залы» точно определить сложно из-за недостатка документальных материалов. Однако наличие прудов и расположение зверинца на противоположном берегу Яузы как ориентира доказывает расположение «залы» на месте будущего Лефортовского дворца [5 (в правом верхнем углу Головинской усадьбы); 20, с. 127].

Петр I решился на строительство дворца в Немецкой слободе только в 1696 г., после смерти Иоанна V. На год строительства дворца указывает «Память в Разрядный приказ из приказа каменных дел о денежных средствах на оплату расходов по строительству дворца Ф.Я. Лефорту» от 10 января 1697 г. «В нынешнем в 205-м [1696] году декабря в 20-м да в 22-м числе по указу великого государя взят[о] из Розряду в Приказ каменных дел взаймы денег пятьсот рублей. И генваря в...день нынешняго 205-го [1696] году великий го-

сударь... указал ис Приказ[у] каменных дел в Новонемецкой слободе на дворе адмирала Франца Яковлевича Лефорта построить каменные полаты мерою и образцом против чертежа, а к тому полатному строению за всякие припасы в задатки взять ныне в Приказ каменных дел из Розряд[у] денег тысячу рублей. А которые деньги пятьсот Рублев взяты из Розряду взаймы, и те деньги зачесть в Розряде в отпуск в Приказ каменных дел к тому ж вышеписанному строению» [20, с. 208]. На эти деньги, по видимому, был закуплен строительный материал. В письме брату Амадею в Женеву от 22 января 1697 г. Ф.Я. Лефорт пишет: «...камни, необходимые для постройки дома, и все материалы уже заготовлены» [20, с. 210].

Архитектором и строителем дворца был «работник полатного строения» Дмитрий Васильевич Аксамитов, сообщавший постоянно Петру I и Ф.Я. Лефорту о ходе работ во время их участия в составе Великого посольства в 1697–1698 гг. В письме от 1 июля 1698 г. Ф.Я. Лефорту он пишет: «Полаты все под подволоки и под кровли готовы, все в отделке, кроме рундуков и левкашенья июля по 1 число. А кровли еще не подряжены. А естли покроют кровли вскоре, и я вылевкашу и поставлю все в отделку» [20, с. 287]. Из данного сообщения следует, что строительные работы подошли к завершению. Осталось построить лестничные подьемы, установить крышу и обустроить внутренние интерьеры. Постройка дворца должна была завершиться к возвращению Великого посольства, но возвращение Петра I в Москву внезапно ускорилось из-за стрелецкого бунта. Петр I с Ф.Я. Лефортом и другими сопровождающими лицами 25 августа 1698 г. возвращается в Москву. В результате строители, подгоняемые заказчиками, вынуждены были ускорить строительные работы.

К концу 1698 г. строительство и обустройство интерьеров дворца и прилегающей территории подходят к завершению. В письме родственникам от 27 января 1699 г. Ф.Я. Лефорт сообщал: «Прежде всего упомяну о большой зале, по отзывам многих превосходно меблированной; другие 4 комнаты убраны не менее прекрасно, но в разном виде. Одна из них оклеена вызолоченною кожею и снабжена дорогими шкапами; во второй помещены весьма редкие китайские изделия; третья обита желтою шелковою тканью и в ней кровать в три локтя вышины, с пунцовыми занавесками; четвертая увешана... сверху донизу морскими картинами и убрана, начиная от потолка, моделями га-

лер и кораблей. Есть еще десять комнат, из которых четыре ждут своего богатого убранства. Кругом здания, на галереях, будет поставлено до 10 малого размера пушек... и три батареи, одна из них, в 30 орудий большого калибра, находится на противоположном берегу реки [Яузы] и обращена фронтом к дому. До 50 пушек поставятся еще вдоль прудов» [12, с. 17].

21 февраля 1699 г. состоялось торжественное «потешное» освящение здания, принявшее обычную для увеселения царя и его окружения форму. Описание данного мероприятия мы находим у И.Г. Корба: «Мнимый патриарх [дядька Петра I «архиепископ прешпурский, всея Яузы и всего Кукуя патриарх»] Никита Зотов со всей толпой своего веселого клира освятил с торжественным празднеством в честь Вакха дворец, выстроенный на царский счет». Далее он пишет: «Пиршество продолжилось вплоть до настоящего дня (23 февраля)...» [9, с. 127]. Петр I и его окружение незыблемости средневековых обычаев и нравов жизни противопоставляла разгульный, нарочито игровой образ в виде «всешутейших» и «всепьянейших» соборов. Освящение дворца стало оружием в ограничении власти и влияния православной церкви по отношению к государственной власти. Церемониал освящения дворца, по всей видимости, разрабатывался при непосредственном участии монарха, чтобы в повторении обычных обрядовых форм с помощью смеха преодолеть силу привычки. Роль церкви как социально-политического института резко падает: подчиненная государству, она постепенно становится орудием в его руках.

Проведение торжественных мероприятий притупляло и негативное впечатление от казни стрельцов после подавления их восстания в 1698 г. И.Г. Корб в записи от 28 февраля 1699 г. пишет: «Вблизи Кремля подвергнуты смертной казни 36 мятежников, а в Преображенском – 150. Вечером устроены были с царской пышностью более приятные забавы, именно пущен был для увеселения потешный огонь серного состава. Московское дворянство и иностранные представители отправились по приглашению в Лефортов дворец, откуда всего удобнее можно было любоваться зрелищем искусственного огня» [9, с. 128]. Одной из причин восстания было введение новшеств в общественную жизнь страны, принятых из стран Западной Европы. К концу XVII в. рушится правило, что в круг «ближних государевых людей» иностранцы не были вхожи. Главного виновника

в неурядицах, происходивших в Российском государстве, они видели в Ф.Я. Лефорте, который пользовался неограниченным доверием царя [3, с. 39–40, 49, 52].

Пизанский (итальянский) певец Филиппо Балатри, находясь в России с февраля 1699 по 1701 г., становится свидетелем ряда торжеств с участием русских дам, вынужденных по приказу Петра I задержаться на празднике. Все это вызвало недовольствие народа, который «роптал на решение царя. <...> Только духовенство возмущалось открыто». Итальянец отмечает: «Не прошло и шести месяцев, и вот вам уже Париж в Москве, и как описать великолепие одежд, которые можно было увидеть на русских аристократах! <...> Можно было видеть целые толпы женщин, отправляющихся в свободу с целью выучиться шить рубашки, чепцы и муфты, стричь волосы, делать завивку и пудриться, зауживать и расширять платья, крахмалить, гладить, стирать...» Ф. Балатри не сомневался, что Петровские реформы приведут Россию в лоно европейской культуры. Тем не менее он вкладывает в уста царя следующие слова о его подданных: «Я не для того заставил их снять московские одежды, чтобы увидеть чучел, разряженных по французской моде, но чтобы освободить их от старых и никому не нужных привычек, которые смешны и мне противны. Я езжу по другим странам не для того, чтобы знакомиться с их религией и обрядами, а для того, чтобы найти то, что из книг не вычитаешь. Для души я у них ничего не прошу, а вот для жизни политической и общественной нахожу у них то, что мне нужно» [16, с. 434–435, 437].

Первоначальная архитектура дворца ясна лишь в общих чертах из-за частых его перестроек. Главный фасад здания выходил на Яузу для восприятия его во время увеселительных прогулок по реке и с противоположного берега. На обоих берегах Яузы находился парк, служивший местом проведения празднеств и торжественных приемов с множеством развлечений, в том числе со зверинцем. Еще в письме от 9 марта 1694 г. брату Амадею Ф.Я. Лефорт отмечал: «За садом, на другой стороне реки, имею я парк, где содержатся различные звери» [20, с. 127]. Композиционно дворец представлял необычное для русского жилого дома сочетание: три большие кубические кирпичные, поставленные симметрично и равные по размеру палаты, построенные на подклети и связанные переходами (сеними), образующими линейную композицию. Средняя – «большая столовая

палата» – парадный зал 18 на 18 метров и высотой 10 метров, без сводов и опор; боковые палаты отделены от нее сенями с лестницами и делились на четыре равных помещения [4].

Единственное изображение фасада Лефортовского дворца начала XVIII в. сохранилось на гравюре Адриана Шхонебека [5], где он частично изображен на втором плане. Здание по характеру было близко к произведениям московского барокко конца XVII в. Но дворец показан на гравюре довольно схематично, и составить детальное представление о его архитектуре сложно. Фасад здания украшали декоративные каменные узоры.

В целом дворец представлял собой один из первых образцов сочетания традиций русского каменного жилого зодчества с композиционными приемами и декорацией западноевропейской архитектуры. Исследователь А.А. Тиц причислял его к произведениям древнерусского зодчества. Все новые прогрессивные приемы в построении композиции здания, по его мнению, были связаны с современной Д.В. Аксамитову строительной техникой: «Палаты располагались по старинке на подклете и состояли как бы из отдельных «хоромин», связанных сенями и завершавшихся каждая своей кровлей; в здании имелись гульбища, а в чердаки вели внутрискатные лестницы». А.А. Тиц отмечал, что это «новая схема палат» служила «связывающим звеном между живописными хоромными строениями древней Руси и строгими дворцами Петербурга» [18, с. 172 сл.]. Исследователь Р.П. Подольский отмечал, что традиционность проявлялась и в двухцветном покрытии внешних стен здания – красный с белым узором декора. Да и построен дворец был традиционным способом от исходной формы квадрата. Со стороны реки подклет служил смотровой площадкой на Яузу и противоположный берег. Там же располагались лестницы, ведущие во внутренние помещения дворца. Для прохода к Яузе в середине подклета сделали три арочных пролета. Между этажами дворца были характерные для русских палатных строений внутренние лестницы [10].

Общую характеристику дворца дает Корнелис де Бруин, голландский путешественник, побывавший в нем во время свадьбы царского шута Филарета (Феофилакта, Филата) Пименовича Шанского 26 января 1702 г.: «Это было громадное каменное зда-

ние в итальянском вкусе, в которое нужно входить по лестнице с правой и левой стороны по причине большого протяжения самого здания. В нем были великолепные комнаты и прекраснейшая зала, покрытая богатыми обоями...» [14, с. 59].

Ф.Я. Лефорт недолго прожил во дворце – 12 марта 1699 г. он умер. Лефортовский дворец, а также большая часть его интерьеров отошли в казну. 15 марта 1699 г. царь велел боярину Федору Алексеевичу Головину (фактический преемник Ф.Я. Лефорта на государственных постах) и думному дьяку Домнину составить опись дворцового имущества. «Боярин Головин, опечатав имущество покойного, взял его под охрану» [20, с. 133]. Запись секретаря австрийского посольства Иоганна Георга Корба от 30 января 1699 г. показывает, что дворец на правом берегу Яузы был предоставлен генералу и адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту только во временное пользование: «...ауденция [бранденбургскому послу] дана была в том доме, который был отстроен на царский счет и с царской роскошью; жил же в нем временно генерал Лефорт» [9, с. 118].

На путях европеизации Москва, как столица государства, стала «площадкой» для эксперимента, где Петр I попытался радикально изменить консервативный российский образ восприятия действительности. Строительство и перенесение с 1698 г. в Немецкую слободу нового парадно-представительского правительственного центра само по себе выражало становление новой России. Благодаря Лефортовскому дворцу данная местность стала центром притяжения культурных и политических сил страны в Москве на протяжении долгого времени.

В истории развития резиденций России и стран Западной Европы в XVII в. обнаруживается определенное сходство не только в их архитектурном облике, но и в идеологии формирования дворцовых программ, их идейном содержании и придворных практиках (этикетке, церемониале и пр.). Обуславливается это не только огромным влиянием европейской культуры на российскую придворную культуру, но и тождественностью функций резиденций России и Западной Европы: они демонстрировали «славу» и «честь» правителя и государства и часто служили легитимности его власти.

- [1] Богоявленский С.К. Московская немецкая слобода // Известия АН СССР. Серия философии и истории. Т. 4. – 1947, № 3. – С. 220–232.
- [2] Вершинина Н.Г. Иноземцы и иноземные слободы в Москве : дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1948.
- [3] Восстание московских стрельцов 1698 года. Материалы следственного дела: сб. док. / Сост. авт. ист.-археогр. обзора и комментариев А.Н. Казакевич. – М.: Наука, 1980. – 326 с.
- [4] Главное управление по охране памятников г. Москвы. Паспорт № 164. Лефортовский дворец.
- [5] ГБУК Музейное объединение. Музей Москвы. Шхонебек А. и ученики. Панорама усадьбы боярина Ф.А. Головина. – М., 1705. Оф. 1187.
- [6] Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. – М.: МГУ, 1969. – 143 с.: ил., план.
- [7] Кириллов В.В. Архитектура Москвы на путях европеизации: от обновлений последней четверти XVII в. к петровским преобразованиям. – М.: Эдиториал УРРС, 2000. – 120 с.: ил.
- [8] Кондратьев И. Седая старина Москвы: ист. обзор и полный указатель ее достопамятностей. – М.: Воениздат, 1996. – 526 [1] с.: ил.
- [9] Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию в 1698 и 1699 гг. / Перевод и примеч. А.И. Малеина. – СПб., 1906. – 322 с.
- [10] Подольский Р. Петровский дворец на Яузе // Архитектурное наследство / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1951, Вып. 1. – С. 14–55.
- [11] ПСЗРИ. – СПб., 1830, Т. 1. – 1072 с.
- [12] Поселыт М.Ф. Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт: его жизнь и его время // Военный сборник. – 1871, Т. XXVIII. Кн. 3. – С. 5–41.
- [13] Пушкин Б.С. Из истории Головинского и Екатерининского дворцов в Москве // Исторический вестник. – 1916, № 6. – С. 840–843.
- [14] Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подг. текстов, вступ. статья и комментарии Ю.Л. Лимонова. – Л.: Лениздат, 1989. – 533 с.
- [15] Русский дипломат во Франции: записки Андрея Матвеева / Публикация подготовлена И.С. Шарковой; под ред. А.Д. Люблинской. – Л.: Наука, 1972. – 262 с., 3 л.: ил.
- [16] Сальво М. Ди. Кастрат Петра Великого: Филиппо Балатри в Московии, 1699–1701 // Иноземцы в России в XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг. – М.: Древлехранилище, 2006. – С. 430–440.
- [17] Таннер Б.А.Ф. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с лат. с примеч. и приложениями И. Ивакина // ЧОИДР. Кн. 3: Материалы иностранные. – М., 1891. – С. 1–203.
- [18] Тиц А.А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. – М.: Наука. 1966. – 356 с.: ил.
- [19] Топычканов А.В. Российские и европейские резиденции XVII в.: опыт сравнительного анализа // Коломенское: материалы и исследования; отв. ред. к.ф.н. Е.А. Верховская. Вып. 12. – М.: МГОМЗ, 2009. – С. 7–18.
- [20] Ф. Лефорт = F. Lefort: сборник материалов и документов / Сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева; отв. редактор Е.Е. Лыкова. – М.: Древлехранилище, 2006. – 567 с.: ил.
- [21] Урядник сокольничего пути // Памятники литературы Древней Руси XVII в. / Составитель и общ. ред. Л.А. Дмитриева и др. – М.: Художественная литература, 1989. Кн. 2. – С. 286–298.
- [22] Яйленко В.П. Очерки по истории и архитектуре Лефортово XVIII–XVII веков. – М.: Галерея, 2004. – 328 с.: ил.